

Werk

Titel: О языке сойотов Бурятии

Autor: Рассадин, Валентин И.

Ort: Wiesbaden

Jahr: 2010

PURL: https://resolver.sub.uni-goettingen.de/purl?666048797_0014 | LOG_0020

Kontakt/Contact

Digizeitschriften e.V.
SUB Göttingen
Platz der Göttinger Sieben 1
37073 Göttingen

✉ info@digizeitschriften.de

О языке сойотов Бурятии

Валентин И. Рассадин

Rassadin, Valentin I. 2010. O jazyke sojotov Burjatii. *Turkic Languages* 14, 127-138.

This article deals with Soyot, a Sayan Turkic variety spoken by about 2,000 persons in the Oka district (Axin aymag) of Buryatia. Its speakers arrived from Mongolia about 400-450 years ago. Sayan Samoyed tribes are thought to have contributed to their ethnogenesis. The language is close to other varieties of the taiga area, particularly Tofan, Dukhan, and Tuhan. It would thus be possible to represent its sound structure by means of the alphabet and the orthographic principles developed for the Tofan language by the author himself. The article comments extensively on the three layers of Mongolic lexical influence on Soyot: loans from medieval Mongolian, from the Darxat dialect, and from Buryat.

Valentin I. Rassadin, Kalmykia State University, Elista, Russia. E-mail: rassadin17@mail.ru

Современные сойоты – один из малочисленных народов России, представители которого компактно проживают на территории Окинского района Республики Бурятия. До 1993 г. сойотами считали себя лишь около 500 человек. Официально они не выделялись из числа бурятского населения данного района. Их долгая борьба за признание их самостоятельным этносом завершилась тем, что Указом Президиума Верховного Совета Республики Бурятия от 13 апреля 1993 г. на территории Окинского района был образован Сойотский национальный сельский совет. В настоящее время в связи с ростом национального самосознания сойотами признали себя около 2 тыс. человек, или почти 42% всех жителей Окинского района. Сойоты обратились в парламент России с просьбой о признании их самостоятельным народом. Эта просьба была рассмотрена и удовлетворена, их признали самостоятельным народом и отнесли к малочисленным народам России. Далее, Постановлением Народного Хурала Республики Бурятия № 540-1 от 21 ноября 2001 г. было одобрено предложение Окинского районного совета о переименовании Окинского района в Окинский сойотский национальный район в составе Республики Бурятия. Разработаны и принимаются меры по возрождению традиционного охотничье-оленьеводческого хозяйства и национальной культуры в том числе и языка.

История сойотов изучена слабо. В научной литературе встречаются лишь отдельные замечания о их происхождении. Санкт-Петербургским этнографом Л. Р. Павлинской, подробно изучавшей современных сойотов, в частной беседе высказывалось предположение о том, что в их этногенезе принимали участие саянские самодийские племена, явившиеся той основой, на которую впоследствии наложился древний тюркский этнос, тюркизировавший в отношении языка этот самодийский субстрат. Иначе говоря, по своему происхо-

ждению сойоты – саянские самодийцы, подвергшиеся тюркизации еще в древнетюркское время, где-то в VII-VIII вв. н.э., а возможно и ранее.

По сведениям старожилов Окинского края как сойотов, так и бурят, сойоты в составе родов *иркит*, *хаасуут* и *онхот* относительно недавно, порядка 400-450 лет тому назад, переселились в Бурятию из Монголии из окрестностей оз. Хубсугул, где они тогда кочевали на территории дархатских сомонов Ханха и Уури, а также в районе горы Ринчинлхумбэ, считавшейся их священной горой-покровителем. Выйдя из пределов Монголии, сойоты сначала расселились в Тунке и частично в Закамне. Но поскольку там почти нет мест, благоприятных для оленеводства, то часть сойотов, перейдя на животноводство, осела в Тунке и Закамне, сливаясь с местными бурятами. Оленеводы же перекочевали в Оку, где ещё до 1930-х гг. они жили в местности Ильчир на водораздельном горном хребте между верховьями рек Иркутка и Оки, где было достаточно ягеля для прокорма оленей. Там они занимались разведением домашних северных оленей, которых использовали под седло и вьюк, и промысловой охотой на таёжных зверей и птиц, практикуя также и рыболовство на местных реках и озёрах. Основным их жилищем был чум, крытый летом берестой, а в зимнее время шкурами изюбрей и лосей. Вместе со своими оленями они осуществляли сезонные перекочевки по горной тайге, находясь зимой в долинах рек у подножия гор, летом – в высокогорье, где растёт ягель – олений мох, – дует ветер, и нет таёжной мошки, губительной для оленей. Таков в общих чертах был их традиционный образ жизни. Так сойоты оказались в Оке.

Оленеводство и традиционный кочевой образ жизни сохраняла лишь Окинская группа сойотов. Бурятский язык тоже проникал и к ним, но через браки с бурятами, поскольку женщин сойоток не хватало, а в связи с обычаем экзогамии браки внутри рода запрещались. Есть предположение, что сойоты уже были двуязычны и владели дархатским диалектом монгольского языка до перекочевки в Бурятию, поэтому их сближение с бурятами произошло достаточно быстро.

В 1930-е гг. в СССР началась кампания перевода кочевых племен на оседлость, и создания колхозов. Сойотов расселили в поселках Сорок, Хурга, Боксон, районном центре Орлик, а также на многочисленных животноводческих фермах, где они стали заниматься животноводством бурятского типа, разводя коров, яков и хайныков (помесь яка и коровы), а также лошадей. Сохранялось и оленеводство отгонного типа, ликвидированное в 1960-х гг. как якобы нерентабельное. В эти годы началось усиленное сближение сойотов с бурятами.

В Дархатском крае Монголии, к западу от оз. Хубсугул, до сих пор продолжают обитать тюркоязычные оленеводы, которых монголы называют *цаатан* (букв. «олeneводы»), а также *уйгар*, т.е. «уйгур», а иногда и *цаатан уйгар* (букв. «олeneводы-уйгуры»). Сами же себя цаатаны-уйгуры именуют словом *туьһа*, которое очень близко к самоназванию тофаларов – *тофа*, ср. название тувинцев – *тыва-дыва*. Кстати, окинские буряты используют для именования тувинцев и тофаларов помимо этнонима *уряанхад* (букв. «урян-

хайцы») также выражение *уйгар хэлтэн*, т.е. «уйгуроязычные». Это говорит о том, что память бурятского народа связывает данные тюркские этносы с древними уйгурами. В составе цаатанов, а также оленеводческих групп дархатов, произошедших от саянских тюрков-олeneводо-в, тоже имеются роды *иркит, хаасуут, онхот*. Видимо, от них, от этих саянских тюрков-олeneводо-в, ведут свое происхождение современные окинские сойоты.

Современный язык сойотов, который еще недавно помнило несколько стариков и который нам удалось наблюдать в 1970-х гг. и даже слышать в начале 1990-х, во время наших поездок в Оку, по своему строю типичный тюркский язык, наиболее близкий к тофаларскому языку России и к языку цаатанов-уйгуров и уйгуров-урянхайцев Монголии. Тофаларский язык мы изучаем с 1964 г., а два последних – с 1989 г., когда произвели их первые записи в местах расселения этих народов. С самого начала записей цаатанского и уйгуро-урянхайского языков стала выявляться их большая близость как между собой, так и по отношению к тофаларскому и сойотскому языкам, а также их значительные отличия от тувинского языка, хотя все они относятся к одной, саянской, подгруппе сибирских тюркских языков. По общепринятой в отечественной тюркологии классификации тюркских языков, предложенной Н. А. Баскаковым (1969: 323), тувинский и тофаларский языки входят в уйгуро-тукуюскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков. Данную подгруппу мы дополняем языками уйгуров-цаатанов и уйгуро-урянхайцев, а теперь и языком сойотов.

Сравнительное изучение тюркских языков Саянского региона, включая и сойотский, показало, что все они: тувинский России и Монголии, тофаларский и сойотский России, цаатанский и уйгуро-урянхайский Монголии, кёк-мончаков Монголии и Китая объединяются в одну саянскую подгруппу сибирских тюркских языков, которая по Н. А. Баскакову называется уйгуро-тукуюской. Сама эта подгруппа, по нашему мнению, делится на два чётких ареала: 1) степной – с языками тувинским и кёк-мончаков и 2) таёжный, куда входят тофаларский, сойотский, цаатанский и уйгуро-урянхайский языки. К таёжному ареалу по многим признакам примыкает и тоджинский диалект тувинского языка. Носители языков таёжного ареала являются в основном оленеводами-охотниками (кроме уйгуро-урянхайцев Монголии, которые давно уже имеют тот же хозяйственный тип, что и монголы, занимаясь животноводством), которых объединяет, кроме общего языка, также сходный тип охотничье-олeneводческого кочевого хозяйства и своеобразной материальной культуры, позволивших им хорошо приспособиться к кочевой жизни в условиях горной тайги.

О близости сойотского языка к тофаларскому свидетельствуют не только наши личные впечатления, полученные при наблюдении сойотского языка, а также языков цаатанов и уйгуро-урянхайского, но и ряд свидетельств ученых, которым довелось наблюдать сойотов. Так, по утверждению Б. С. Дугарова (1983: 99), изучавшего этногенез бурят и сойотов Оки, М. А. Кастрен, посетивший сойотов Тунки в XIX в., писал, что они говорили «... на том же тюркском наречии, каким говорят карагасы (т.е. тофалары – В. Р.)». Об актив-

ном использовании сойотами своего тюркского языка еще в XVIII в. говорит и Г. Д. Санжеев (1930: 13-14), исследовавший в конце 20-х гг. XX в. дархатов и население Дархатского края, ссылаясь на свидетельство немецкого географа XVIII в. Антона Фридриха Бюшинга, который в своей книге «Описание земли» (издана в Гамбурге в 1787 г.) утверждал, что язык у тункинских сойотов тот же, что и у карагасов (т.е. тофаларов – В. Р.) Нижнеудинского уезда. Профессор Иркутского госуниверситета Б. Э. Петри (1927: 19), проводивший в 1926 г. по заданию Комитета Севера специальную этнографическую экспедицию по изучению хозяйства, быта и культуры сойотов, писал о их языке, что его еще помнят старики и что он чрезвычайно близок урянхайско-сойотскому. Сойотами, сойонами и урянхайцами, кстати, в старой русской литературе вплоть до 20-х гг. XX в. называли тувинцев и не отделяли от них цаатанов и тофаларов.

В настоящее время вновь во весь рост встал вопрос о праве народов на национальную культуру и язык. Проблема возрождения и сохранения культур и языков малых народов России, особенно малочисленных народов Сибири и Севера, сделалась весьма актуальной и животрепещущей. Если в первые годы советской власти национальные культуры и языки у этих народов были еще живы и активно использовались, а проблема состояла лишь в том, чтобы этим языкам дать письменность, то сейчас ситуация изменилась настолько, что следует спасать и возрождать не только языки, но и сами эти народы. В Республике Бурятия такая проблема стоит в отношении не только эвенков, но и сойотов – совсем недавно официально признанной малой народности, которая ставит своей целью возродить родной язык и национальные культуру и хозяйство. Целиком разделяя их чувства и поддерживая их стремление к этому возрождению, мы считаем, что в этом деле нельзя пренебрегать никакой возможностью помочь им. Скептики уверяют, что мол уже поздно, что все сойоты уже окончательно «обурячены». Однако мы уверены, что это не совсем так. Ведь те же скептики совсем недавно уверяли, что не стоило ставить вопрос о возрождении такой народности, как сойоты, поскольку их сейчас просто нет, все они стали бурятами. Но жизнь показала, что стремление народа к возрождению не знает преград. Сойоты добились признания их самостоятельным народом и включения в перечень малых народов России. Делаются реальные шаги в деле возрождения их традиционного хозяйства, связанного с оленеводством, которое было у них ещё до 1960-х гг. Поэтому следует надеяться, что воля и стремление народа к возрождению также и языка окажутся сильнее скепсиса отдельных деятелей науки и политики.

Мы считаем, что для возрождения сойотского языка сейчас есть все условия. Прежде всего, имеется желание народа возродить свой язык. Поскольку же сойотский язык – это тюркский язык, наиболее близкий языку тофаларов и цаатанов, то для его возрождения следует учесть опыт создания письменности для тофаларского языка и сам материал тофаларского и цаатанского языков. Язык цаатанов бесписьменный, есть только опыт фиксации на цаатанском языке некоторых научных материалов монгольскими коллегами и наши

попытка применить для его записи в 1989 г. буквы тофаларского алфавита. Кстати говоря, попытка эта оказалась весьма успешной, поскольку в звуковом отношении язык цаатанов имеет ту же систему, что и тофаларский язык. Эта же система представлена и в языке сойотов. Поэтому мы считаем возможным использовать для сойотского языка алфавит, разработанный нами для тофаларского языка, и те же принципы орфографии. Поясним это на примерах.

Во-первых, сойотский язык, как и тофаларский, имеет помимо 4 твердоядных гласных *a, o, y, ы* еще 6 мягкорядных: *э, ә, ө, ү, и, i*, произносимых одинаково с тофаларскими и представленных в одних и тех же словах. Эти гласные бытуют в виде 3 типов фонем – краткие чистые, краткие фарингализованные и долгие чистые. При этом долгота обозначается двойным написанием соответствующей гласной буквы, а фарингализация – твердым знаком после этой буквы. Таким образом, в составе вокализма как тофаларского, так и сойотского и цаатанского языков представлено по 30 гласных фонем. Взаимозамена этих фонем меняет смысл слов. Так, например,

кээр «придет» – *кээр* «будет крошить»,
ас «заблудись» – *аъс* «повесь» – *аас* «рот; пасть»,
от «огонь» – *оът* «трава»,
ыт «отправь» – *ыът* «собака» – *ыыт* «голос; звук»,
эи «друг» – *эьи* «гребни веслом» и т. п.

Во-вторых, в составе консонантизма этих языков представлены помимо согласных *б, п, в, ф, т, д, с, з, ш, ж, ч, л, р, й, к, х, г, ц, ы*, произносимых как и соответствующие русские буквы, ещё 5 специфических согласных, для обозначения которых взяты соответствующие буквы из алфавитов языков народов России: *қ, ғ, ң, җ, һ*. Примеры: *қарақ* «глаза», *қаразан* «багульник, рододендрон», *һем* «река», *һам* «шаман», *чарачаң* «соболь», *чер* «земля», *доңган* «замерз».

В-третьих, фаринализация гласных решительным образом влияет на характер чередований последующих согласных. При этом, например, после чистых кратких и долгих гласных согласный *п* переходит в *б* или *в*: *қап* «мешок» – *қабы* ~ *қавы* «его мешок», после фарингализованных – в *п*, *ф*, *һ*: *қаьп* «поймай ртом» – *қаьпар* ~ *қаьфар* ~ *қаьһар* «поймает ртом», *тэьп* «пинай» – *тэьпер* ~ *тэьфер* ~ *тэьһер* «пнёт»; при первом условии *ш* переходит в *ч* (*баи* «язва» – *бачы* «его язва», *таи* «камень» – *тачы* «его камень», *ыи* «дым» – *ычы* «его дым»), при втором – в *һь* (*баьи* «голова» – *баьһи* «его голова», *қаьи* «сколько» – *қаьһи* «когда», *қыьи* «зима» – *қыьһи* «зимой»).

Язык сойотов хорошо развит и адекватно отражает тип их традиционной хозяйственной деятельности, быта, культуры. В 1970-е гг. во время диалектологической экспедиции в Окинский район нами от сойотских стариков было записано около 5 тысяч сойотских слов и основные сведения по грамматике сойотского языка, был установлен звуковой строй этого языка. В 2001 г. по просьбе Правительства Республики Бурятия, администрации Окинского района и Ассоциации сойотского народа нами была разработана письменность для

сойотского языка, выработаны правила орфографии и составлен «Сойотско-бурятско-русский словарь» [Рассадин, 2003], изданный в 2003 г. Он включил всю собранную нами сойотскую лексику, переведенную нами не только на русский язык, но и на бурятский с использованием окинской бурятской диалектной лексики. В 2009 г. был издан в издательстве «Дрофа» Санкт-Петербурга сойотский букварь [Рассадин, 2009], в 2005 г. нами был подготовлен учитель сойотского языка, поскольку привительственными органами Республики Бурятия было принято решение ввести преподавание сойотского языка в начальных классах сойотской школы.

Саянские тюрки, включая и предков сойотов, с XIII в. попали под власть монголов, с тех пор как сын Чингисхана Джучи в 1207 г. совершил свой «лесной поход» и покорил различные племена, живущие в Саянском регионе. С тех пор и поныне тюрки живут бок о бок с монгольскими народами, испытывая их влияние.

Есть предположение, как уже нами отмечалось, что сойоты уже были двуязычны и владели дархатским диалектом монгольского языка до перекочевки в Бурятию, поэтому их сближение с бурятами произошло достаточно быстро.

Таким образом, о длительном влиянии монгольского языка с его дархатским диалектом, а также бурятского языка на язык сойотов свидетельствуют исторические и иные факты.

В соответствии с историей сойотов в их языке достаточно четко различаются три слоя монгольских лексических элементов: во-первых, заимствования из средневекового монгольского языка, во-вторых, монгольская лексика, характерная для современного монгольского языка, его дархатского диалекта, и в-третьих, слова, пришедшие явно из бурятского языка, характеризующиеся признаками бурятского языка, отличающие их от современных монгольских. При этом заимствования из монгольских языков имеют ряд особенностей звукового оформления, характерных для сойотского языка и возникших под его влиянием. Прежде всего, это касается особого типа гармонии гласных. По закону сингармонизма сойотского языка после гласного *о*, *ы* первого слога следуют широкие гласные *а*, *аа*, но не *о*, *оо*, в мягкорядных словах соответственно за *е*, *и* следуют *э*, *эа*, но не *ө*, *өө*, как в монгольском и бурятском языках. Этот тип сингармонизма скорее похож на калмыцкий. В нем характер долгих гласных, развившихся из древних монгольских долготных комплексов ГСГ (гласный+согласный+гласный), определился по второму гласному и сохранился в том же виде. Выравнивания по огублению в нем не произошло. Огубление после губных гласных развились лишь в современных халха-монгольском и бурятском языках, и напоминает киргизский и якутский языки. Поясним это на примерах. Так, сойотское *оваа* «куча ритуальных камней на горном перевале или ином святом месте» явно взято из монгольского языка, но не из современных халхаского *овоо* или бурятского *обоон* id., а из средневекового монгольского *ови'а*, что и дало *оваа*, как в калмыцком, где тоже *ова* (произносится *оваа*) id. Аналогичным образом *ораа*- «обматывать, обёртывать» развилось при заимствовании из средневекового монгольского

**ori'ā*- id. (ср. стп.-м. *oriya*-, х.-монг. *ороо*-, бур. *орёо*-, калм. *ора*-). Монголизм *чыраа* ~ *чжыраа* «иноходец» сохраняет в виде *ы* в первом слоге еще не переломленный гласный **i*, зафиксированный в старописьменном монгольском языке и сохранявшийся еще в средние века, произносившийся в твердо-рядных словах по всей вероятности еще в виде **i* (*ы*). Долгий же гласный развился из средневекового монгольского *jiru'ā* (возможно, **jiru'ā*) id. по вышеозначенной модели. Зафиксирована старописьменная монгольская форма *jiruūa* и современные х.-монг., бур. *жороо*, калм. *жора* id., от которых не могло образоваться сойотское *чыраа*.

В мягкорядных словах мы наблюдаем в принципе аналогичную картину. Так, монголизм *өргээ* «медвежья берлога» (эвфемизм, первоначальное значение «ставка знатного лица») является адаптацией средневекового монголизма *örgü'ē* «ставка знатного лица», ср. стп.-м. *örgüge*, х.-монг. *өргөө*, бур. *үргөө*, калм. *өргэ* id. Сойотское слово *чөлээ* «свободное время» взято из средневекового монгольского языка, в котором оно представлено как *čölü'ē* id., ср. стп.-м. *čölüge*, х.-монг. *чөлөө*, бур. *сүлөө*, калм. *чөлэ* id. В сойотском слове *һирээ* «пила (инструмент)» угадывается средневековое монгольское *kirü'ē* id., о чём дополнительно свидетельствует сохранение непереломленного **i*, ср. стп.-м. *kirüge*, х.-монг. *хөрөө*, бур. *хюрөө*, калм. *көрэ* id.

Кроме того, следует отметить, что в монголизмах сойотского языка монгольский долгий гласный *уу*, развившийся в монгольских языках из древнего долготного комплекса *ауи*, типа *уула* «гора» из *ayula*, при заимствовании монгольских слов даёт разную картину. Он может либо сохраняться в виде того же долгого *уу*, как в монголизме *аруун* «чистый» из ср.-монг. *ari'ün* id., ср. стп.-м. *ariyun*, х.-монг. *ариун*, бур. *арюун*, калм. *арун* id., либо передаваться долгим *ыы*, например, сойот. *һаңныыр* «паяльник» из ср.-монг. *yaŋna'ūr* id. от *yaŋna* «паять, сваривать металл», ср. х.-монг., бур. *гагнуур*, калм. *һаңнур* id., что как раз и соответствует типичной для сойотского языка гармонии гласных в собственных тюркских словах, когда после гласных *а*, *о*, *у* первого слога далее следует обычно краткий или долгий *ы*, *ыы*, например, *алыр* «возмёт», *болыр* «будет», *улыз* «большой». Ср. также сойот. *тармыыр* «грабли» – х.-монг., бур. *тармуур*; сойот. *лаңгыы* «прилавок в магазине» – х.-монг. *лангуу* id.; сойот. *байгыы шай* «байховый чай» – х.-монг. *байхуу цай* id. Иногда нет устойчивого произношения, и можно слышать в одном и том же слове то *уу*, то *ыы*, например, сойот. *һаруу* ~ *һарыы* «ответ» из ср.-монг. *qari'ū* id., ср. х.-монг. *хариу*, бур. *харюу*, калм. *хэру* id.; сойот. *һадуур* ~ *һадыыр* «коса для сенокосения» из ср.-монг. *qada'ūr* «серп» от *qada* «жать серпом», ср. х.-монг., бур. *хадуур* id.

Влиянием дархатского диалекта следует считать появление долгого *оо* на месте долгого гласного *уу* в монгольских заимствованиях сойотского языка. Примерами могут послужить сойотские монголизмы типа *айоол* «опасность» из дархат. *айоол*, ср. х.-монг. *аюул* id.; *боо* «ружьё» из дархат. *боо*, ср. х.-монг., бур. *буу* id.; *хоор* «обманывать» из дархат. *хоор*-, ср. х.-монг., бур. *хуур*- id.; *қоһһиноор* «колокольчик» из дархат. *хонгиноор*, ср. х.-монг. *хонгинуур*, бур.

хонхинуур id. Для дархатского диалекта типично произнесение долгого *oo* на месте долгого *уу* монгольских языков в собственно монгольских словах, например, дархат. *оол* «гора» – х.-монг. *уул*, бур. *уула*, калм. *уул* id.; дархат. *ноор* «озеро» – х.-монг., бур., калм. *нуур* id.

Среди многих сотен монгольских лексических заимствований сойотского языка многие десятки слов не имеют характерных признаков, позволяющих отнести их к тому или иному монгольскому языку. О них нельзя конкретно ничего сказать, кроме того, что они монгольского происхождения. Примерами могут послужить такие слова, как

айан «путешествие, дальний путь» из монг., ср. стп.-м. *ayan*, х.-монг., бур. *аян* id.;
айылга «мотив, мелодия» из монг., ср. стп.-м. *ayalga*, х.-монг., бур. *аялга* id.;
белен «готовый» из монг., ср. стп.-м. *belen*, х.-монг., бур. *бэлэн* id.;
дарга «начальник» из монг., ср. стп.-м. *darya*, х.-монг., бур. *дарга* id.;
йда-да «не мочь» из монг., ср. стп.-м. *yada-*, х.-монг., бур. *йда-* id.;
маһийһын «палатка» из монг., ср. стп.-м. *mayiqan*, х.-монг., бур. *майхан* id.;
оқтарһый «небо, небеса» из монг., ср. стп.-м. *oqturui*, х.-монг. *огторгуй*, бур. *огторгой* id.;
сансыр «космос» из монг., ср. стп.-м. *sansar*, х.-монг., бур. *сансар* id.;
түрген ~ *түргэн* «быстрый, скорый» из монг., ср. стп.-м. *türgen*, х.-монг., бур. *түргэн* id.;
тэмдэк «знак, метка; клеймо» из монг., ср. стп.-м. *temdeg*, х.-монг., бур. *тэмдэг* id.;
эндэ ~ *эндэ* «ошибаться» из монг., ср. стп.-м. *ende*, х.-монг., бур. *эндэ* id.

По некоторым признакам все же можно конкретизировать, что слова заимствованы из монгольского языка ранних периодов развития. Прежде всего, об этом сигнализирует наличие в первом слоге непереломленного *i* (*у*) в мягкорядных словах и *i* (*ы*) в твёрдорядных, хотя в старомонгольском языке здесь везде фиксируется *i* (*у*). Это можно объяснить тем, что-либо в самом монгольском языке в словах твёрдого ряда в средние века ещё произносилась в первом слоге гласная *i* (*ы*), либо она ещё в древности появилась в сойотском языке под влиянием выравнивания по закону палатальной гармонии гласных. В современных монгольских языках на месте *i* ~ *i* развились *ö* (*ө*) или *ü* (*ү*), *a*, *o*, *u* (*у*). Так, по этому признаку к ранним заимствованиям можно отнести сойотские монголизмы типа

қылар «косой, косоглазый» из ср.-монг. **qilar*, ср. стп.-м. *kilar*, х.-монг. *хялар*, бур. *хилар* id.;
қырса «корсак, степная лисица» из ср.-монг. **qirsa*, ср. стп.-м. *kirsa*, х.-монг. *хярса* id.;
қытат «китаец, китайский» из ср.-монг. **qitad*, ср. стп.-м. *kitad*, х.-монг. *хятад*, бур. *хитад* id.;
чыда ~ *чыда* «пика, копё, рогатина; птык» из ср.-монг. **jida*, ср. стп.-м. *jida*, х.-монг. *жад*, бур. *жада* id.;

шывай «отстоявшаяся конская кровь; колбаса из отстоявшейся конской крови» из ср.-монг. **šibai*, ср. стп.-м. *šibai*, х.-монг. *шавай*, бур. *шабай* id.;
шыла «неметь, деревенеть; уставать» из ср.-монг. **šila-*, ср. стп.-м. *šila-*, х.-монг., бур. *шала*- id.;
ылга «различать» из ср.-монг. **ilya-*, ср. стп.-м. *ilya-*, х.-монг. *ялга-*, бур. *илга*- id.

В некоторых случаях свидетельством раннего заимствования именно из монгольского языка является наличие начального *s* (*c*) наряду с полногласием слогов, например:

сүгэ «топор» из ср.-монг. **sūke*, ср. стп.-м. *sūke*, х.-монг. *сүх*, бур. *хүхэ* id.;
сүлдэ «духовная мощь, дух, символ, эмблема, герб» из ср.-монг. **sülde* id., ср. стп.-м. *sülde*, х.-монг. *сүлд*, бур. *хүлдэ* id.;
селэмэ «сабля» из ср.-монг. **seleme*, ср. стп.-м. *seleme*, х.-монг. *сэлэм*, бур. *хэлмэ* «сабля, меч, пашка, клинок».

Наиболее заметным признаком, свидетельствующим о средневековом характере монголизма являются наличие в нём шипящих аффрикат *ч* и *ч* (*дж*), представленных в современном монгольском языке в виде свистящих аффрикат *ц* и *дз*, в бурятском языке в виде согласных *с* и *з*. Шипящий характер этих аффрикат зафиксирован в старописьменном монгольском языке, на который и будем ориентироваться. Например:

боль ча «уславливаться о встрече, договариваться о встрече» из монг., ср. стп.-м. *bolja-*, х.-монг. *болзо-*, бур. *болзо*- id.;
боо ча «пари, заклад» из монг., ср. стп.-м. *boŋiča*, х.-монг. *бооц*, бур. *боосоо* id.;
халь чан «лысый, плешивый» из монг., ср. стп.-м. *qaljan*, х.-монг. *халзан*, бур. *халзан* id.;
хе чигэ «старинная мужская коса» из монг., ср. стп.-м. *geŋge*, х.-монг. *гээгэ*, бур. *гээгэ* «коса вообще и женская, и мужская»;
чамча «рубашка, платье» из монг., ср. стп.-м. *čatča*, х.-монг. *цамц*, бур. *самса* id.

В основном же слова, взятые из современного монгольского языка хорошо узнаются по характерным для них признакам, среди которых можно назвать наличие *s* (*c*) вместо бурятского *h*, *ө* вместо бурятского *ү*, *дз* вместо бурятского *з* и *дж* средневекового монгольского языка, наличие *c*, как и в бурятском, вместо монгольского *ц* и *ч* средневекового, но на монгольское происхождение указывают другие признаки, такие как редукция конечных слогов, просто наличие слова в монгольском и отсутствие в бурятском.

Примерами заимствований из современного монгольского языка могут послужить следующие:

бөмбүк «мяч» из монг. *бөмбөг* id., ср. бур. *бүмбэгэ*, стп.-м. *bömbüge* id.;
гамбир «лепешка, жаренная без масла» из монг. *ганбир* id.;
дайзы «патронташ» из монг. *дайз* id.;

дэлгүүр «магазин» из монг. *дэлгүүр* id. < *дэлгэ-* «раскладывать»;
дээвир «крыша юрты» из монг. *дээвир* id.;
йос «обычай» из монг. *ёс* id., ср. бур. *ёһон*, стп.-м. *yosun* id.;
хайрһан ~ *хайрақан* «медведь» из монг. *хайрхан* «название чего-либо почитаемого, святого или очень страшного»;
муһһыр-сөөм «короткая пядь» из монг. *мухар сөөм* id., ср. бур. *мухар һөөм* id.;
саадақ «колчан, патронташ» из монг. *саадаг* «колчан», ср. бур. *һаадаг*, стп.-м. *saγadaγ* id.;
саасын ~ *саарсын* «бумага» из монг., ср. х.-монг. *цаас(ан)*, дархат. *цаарс(ан)*, бур. *саарһан*, стп.-м. *ᠰᠠᠷᠠᠰᠤᠨ* id.;
тоос «пыль» из монг. *тоос* id., ср. бур. *тооһон*, стп.-м. *toyosun* id.

Достаточно большую группу монголизмов представляют собой лексические заимствования из бурятского языка, точнее из его окинского говора, с носителями которого оленняя группа сойотов довольно рано, около 400–450 лет тому назад, вступила в тесный контакт после переселения туда из Дархатского края Монголии, как уже упоминалось выше. Окинский бурятский говор вместе с тункинским и закаменским говорами близок к говору аларских бурят и образует с ними одну группу – язык так называемых хонгордоров. Этот язык, образующий самостоятельный диалект, называемый переходным, обладает чертами как западных, так и восточных.

Сойотские бурятизмы обладают всеми признаками, присущими переходному диалекту бурятского языка. Общебурятскими чертами в фонетике являются наличие *h* вместо *s* (*с*) монгольского языка, вместо монгольских аффрикат *č* (*ч*), *ᠵ* (*дж*), *с* (*ц*), *з* (*дз*) здесь произносятся щелевые *š* (*ш*), *ž* (*ж*), *s* (*с*), *z* (*з*), в мягкорядных словах для этого диалекта характерны гласные фонемы *ii* (*ү*) вместо монгольской *ö* (*ө*), *e* (*э*) вместо *i* (*и*). Ряд диалектных слов имеет совершенно иную семантику, чем внешне похожие общемонгольские слова. Некоторые слова вообще бытуют только в языке западных бурят и характерны для них. В некоторых же случаях достаточно трудно определить, из какого монгольского языка взято слово, поскольку из средневекового монгольского или из бурятского, так как и там и тут характерной чертой является полное гласие слогов, наличие интервокального *в* (*б*) вместо современного монгольского *ν* (*в*), сохранение конечного согласного *н* (*н*) в конце основы. Только косвенные признаки в таких случаях позволяют предположить, что источником слова является бурятский язык, поскольку с оседлым бытом сойоты познакомились, общаясь с бурятами, равно как и с животноводством бурятского типа. Поэтому лексика, относящаяся к оседлому быту, к животноводству могла быть бурятской.

Опираясь на все эти признаки, приведенные для бурятского языка выше, мы можем предположить бурятское происхождение таких слов, как

аагыһын «мука из поджаренных ячменных зерен» из бур. окин. *aagahan* id, ср. тунк., зак. *aagahan* id.;

абырга «тиски» из бур. *абарга* id, ср. х.-монг. *аварга*, стп.-м. *abarya* «исполин, исполинский»;
бооса «поливные луга» из бур. окин. *боосо* id.;
былмыр «жбан-маслобойка» из бур. окин. *бэлмэр* id.;
герел ~ *керел* «стекло; стеклянный» из бур. окин. *гэрэл* id., ср. х.-монг. *гэрэл*, стп.-м. *gerel* «свет»;
даң «земляная засыпка крыши дома, земляной потолок избы» из бур. окин. *дан(г)* id.;
дыгныһын «дерновое покрытие крыши деревянной юрты» из бур. окин. *дэгэнһэн* id.;
йаванишаа соол «деревянная юрта или дом с четырехскатной крышей» из бур. окин. *йаванишаа соол* id., ср. тунк. *йаванишаа соол* id.;
йандаң «железная печь-буржуйка» из окин. бур. *яндан* id.;
куйылга «подарок» из бур. окин. *гуйлга* id., это слово во всех западных бурятских говорах означает «подарок», в вост.-бур., х.-монг. *гуйлга*, стп.-м. *гуйлуа* «просьба» < монг. *гуй-* «просить»;
хайбы «легкий долбленный чёлн, лодка-долблёнка» из бур. окин. *хайба* id., данное слово вообще характерно для западного диалекта бурятского языка;
хайрһа- «хвалиться, хвастать; зазнаваться» из бур. *хайрһа-* < бур. *хайн* «хороший», стп.-м. *sayirqa-* id. < *sayin* «хороший»;
хайрһак «хвастун, зазнайка» из бур. *хайрһаг* бур. *хайрһа-* «хвалиться, зазнаваться»;
халбага «весло» из бур. окин. *халбага* «весло», ср. вост.-бур. *халбага* «ложка», х.-монг. *халбага*, стп.-м. *qalbayа* id.;
пампалай «зимняя обувь из камусов» из бур. окин. *пампалай* id.;
саазуур «сковородник, чашельник» из бур. окин. *заазуур* id., ср. х.-монг. *заазуур* «большой поварской нож»;
соол «изба, деревянный деревенский дом» из бур. окин. *соол* id.;
сөөкэй «саламат, мучная каша на сметане» из бур. *сөөхэй* id., ср. х.-монг. *сөөхий* «сметана»;
сутьураан шэй «чай, забелённый молоком и поджаренной мукой» из бур. окин. *зутараан сай* id.;
сэргэ «коновязь» из бур. *сэргэ* id.;
таһалга «комната, перегородка» из бур. окин. *таһалга* id., ср. х.-монг., стп.-м. *tasalyа* «перегородка»;
туураһиы «охотничьи унты» из бур. окин. *туураһиа* id.;
түйүүр «дощечка с отверстиями, предназначенная для выделки кожаных веревок» из бур. окин. *түюур* id.;
үрүнтүүр «рашпиль» из бур. *үрэбтэр* id., ср. х.-монг. *өрөвтөр*, стп.-м. *örübtür* id.;
үтэк «зимняя стойка скота, летом-огороженный покос» из бур. *үтэг* id., ср. х.-монг. *өтөг*, стп.-м. *ötüg* «зимняя стойка скота»;
шүдэр «конские пути» из бур. *шүдэр* id., ср. х.-монг. *чөдөр*, стп.-м. *čidür* id.;
эрэнгэ «веселый, жизнерадостный» из бур. окин. *эрэнгэ* id.

В морфологическом отношении монгольские заимствования сойотского языка представляют собой те же части речи, что и в языке оригинале.

Таким образом, проведенное исследование лексических заимствований, проникших из монгольских языков в сойотский язык, показало их неоднородный характер, обусловленный тем, что это один из немногих тюркских языков, вовлеченный в орбиту влияния монгольских языков вследствие различных обстоятельств и до сих пор не вышедший из-под их влияния. Свыше 400 лет сойоты после перекочёвки в пределы Бурятии находятся в условиях непосредственных контактов с окинскими и тункинскими бурятами, испытывая языковое влияние с их стороны. Выявились около тысячи слов, заимствованных из средневекового и современного монгольского языков, а также из бурятского, точнее из окинского его говора. Монгольские слова не представляют какой-либо одной или нескольких лексико-семантических групп. Они глубоко проникли в словарный состав сойотского языка и широко там представлены, являя собой главным образом имена существительные и глаголы, есть немного прилагательных и наречий, а также единичные слова из других частей речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков, Н. А. 1969. *Введение в изучение тюркских языков*. Москва.
- Дугаров, Б. С. 1983. *О происхождении окинских бурят: Этнические и историко-культурные связи монгольских народов*. Улан-Удэ.
- Петри, Б. Э. 1927. *Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах* (Предварительные данные). Иркутск.
- Рассадин, В. И. 2003. *Сойотско-бурятско-русский словарь*. Улан-Удэ.
- Рассадин, В. И. 2009. *Букварь. Учебное пособие по сойотскому языку для учащихся 1 класса*. Санкт-Петербург: Издательство «Дрофа».
- Санжеев, Г. Д. 1930. *Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927г.* Ленинград.